

ко не уступающие рассказчикам прошлого. Я, например, считаю, что как стилист и писатель Георгий Семенов ничуть не хуже тех же Чехова и Бунина и Юрий Нагибин не ниже Платонова, которого он обожает. Конечно, не нам это определять (это не скромно и не нужно), я только хочу, чтоб не было такого, что вот ударят тебя классиками по лбу, и ты сразу ступешался, замолк — мол, извините, не буду.

Однако часто бывает и другое: молодые авторы в письмах, особенно когда им возвращают рукописи, ссылаются на литературные примеры: вот, мол, у такого-то написано так же хреново, как и у меня. его напечатали, а меня нет. Это непрофес-

свой покос. И подгулявши, дорогой он внука теряет. Сам по себе поворот действия очень страшный. Знал я несколько случаев, когда дети блуждали в тайге, — беда ужасная... Так вот, когда начинаются поиски внука, тут-то и проявляются характеры. Интересно, что все это происходит в обновленных пространствах — а мы часто пишем тех же дедов то ли еще дореволюционных, то ли двадцатых годов. — а тут по одному штриху, по песне, которую он поет: «Стиим на страже всегда, всегда, но если скажет страна труда...», — по одному этому узнаешь, что дед-то, может, твой ровесник, и причуды его и странности становятся совсем понятными...

сказал, что мы размываем границы между литературой и прочими вещами, что возле литературы много толчется и кормится разного народа. Соприкоснувшись с театром и кино, могу заметить: «около» них толчется и кормится народу ничуть не меньше. Мне бы не хотелось обижать никого, однако сказать следует, что у нас слишком много людей, которых мы просто обязаны печатать! То это заслуженный пенсионер, то человек в беде, то героический поступок совершил, то на Северный или Южный полюс сходил, то откопал какую-то амфору в земле, то документ в архивах обнаружил, то зверушку спас... А тот командовал армией, тот был разведчиком, тот много перенес, а этот много пережил — и идет огромный бумажный поток, а в центре омутком кружатся десять-двадцать книг, имен... И среди них рассказчиков-то — раз-два и обчелся...

Порой случается, и опытные, известные писатели размывают литературу сырыми произведениями. И как только они выйдут, так тут же хлынет хвалебная критика, а завтра, глядишь, забыли и произведение, и критику. Я считаю, что это просто несерьезное отношение и к литературе, и к своему имени. Чем старше писатель, чем выше у него, тем сказать, должность в литературе, тем заботливее он должен относиться к своему имени. Писательское (да и просто человеческое) имя — не метла, которую можно гребать по всяким поводам.

Очень много развелось сейчас в литературе и искусстве писательских, артистических и режиссерских династий. Я не хочу охаивать всех огульно, пусть поймут меня правильно: есть и дети, и жены, подчас не менее талантливые, чем их родители и мужья, но немало и таких отпрысков, которые не способствуют развитию культуры, а скорее, тормозят это развитие. Но ни у кого не поднимется рука остановить их родителей, не поворачивается язык сказать им правду в глаза. Мы часто говорим о грудных династиях, ищем такие династии у металлургов, строителей, лесорубов и с каждым разом все груднее находим их. Но в литературе, в искусстве, в каждом почти театре, на киностудии, даже возле киностудий, театров, журналов, издательств — возникли и утвердились такие семьи. Пусть хоть в административные, да засунут родители дитя, если уж совсем бесталанный. И ни одного — не слышал, не видел, — ни одного писательского или артистического дитяти на заводе, стройке, в цехе. И не надо, не стоит городить всякие теории о зрительском уровне — он всегда повышался медленно, без особых космических скачков, тем более, что далеко не все наши ленты способствуют повышению этого уровня. Фильмы доступно стало ставить всем (актерам особенно), спектакли — тоже. А уж стихи писать, современные пьесы сочинять, романы и повести о буровиках и бамовцах (не говорю уже о «литобработчиках» меуаров) — здесь, на этой ниве, нередко истинно талантливого писателя опережает, а то и теснит шустрейшая околосредовая бездарь.

В какой-то мере это касается и нашей поэзии. «День поэзии» 1979 года — явление отрадное. И низкий поклон Ларисе Васильевой, она хорошим сборником доказала, что поэзия наша не только теплится, но и горит. Но девальвация коснулась и этого жанра. Пишут стихи все, кому не лень.

Хорошо, конечно, что журналы «Москва», «Юность» и другие целиком отдавали свои номера молодым, но мне хотелось бы задать вопрос и Б. Полевому, и М. Алексееву: не миновала ли надобность в таких номерах,

Из иллюстраций художника Н. УСАЧЕВА к 1 тому собрания сочинений В. Астафьева. Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

открывающих сразу тридцать — сорок молодых литераторов? Было бы полбеды, если б девальвировалась только литература, — девальвируется сам человек. Я имею в виду тех, кто печатался в газетах, чье имя раз-другой мелькнуло где-то в печати, тем более центральной, и кто без должных на то оснований стал считать себя поэтом, прозаиком или драматургом, а потом опустился до стихов «ко дню и по случаю», стал побираться возле литератур... Надо ли нам открывать сразу несколько десятков писателей в одном номере? Я думаю, с появлением журнала «Литературная учеба» надобность в «молодежных» номерах отпала. Молодых надо печатать на одном уровне с постоянно работающими профессионалами, не делая никаких поправок, которые потом могут обернуться бедой. Мы в «Нашем современнике» тоже публикуем молодых, есть рубрика «Новые имена», и за год там печатается немало интересных авторов. Но без всяких скидок! И, кроме того, есть еще местные издательства, местные журналы и альманахи. Пусть-ка начинающие пройдут через них, как мы проходили. Нехорошо ссылаться на себя, но я скажу, что, прежде чем опубликовать в 1959 году рассказ в журнале «Знамя», издал несколько книжечек на периферии, печатался в альманахе «Прикамье», журнале «Уральский следопыт», проходил «чистилище» местной прессы. А публикацию в столице считал для себя огромным счастьем, и уж этому рассказу в «Знамени» — «Солдат и мать» — я отдал все силы, которые у меня тогда были.

И, наконец, об оплате писательского труда. Я и мои сверстники, в общем, можем сейчас прожить хотя бы за счет переизданий. Но тем не менее «рассказчик должен жрать». Ю. Нагибин это правильно сказал. Сам он нашел способ кормиться с помощью кино, но что делать другим? Закон об аккордной оплате рассказа меньше авторского листа выполняют, насколько я знаю, только два издательства: «Малыш» и «Детская литература», потому что они выпускают маленькие книжечки. Все остальные очень охотно печатают небольшие вещи циклами, и если уж рассказ в цикле пошел, то тут же тебе обязательно платят по листу. Я не знаю такого журнала, который бы заплатил автору аккордно. Дрожит рука у наших финансистов при выплате гонорара, и это очень печально. Я бы еще мог понять капиталиста, выкладывающего деньги из собственного кармана и не озабоченного дальнейшей судьбой писателя. Все наши разгово-

воры о качестве литературы должны находить и материальное проявление.

Речь надо вести и об оплате, и о необходимости возрождения рассказа — это взаимосвязано. Положение в этом жанре неблагоприятно отчасти по причине гонорарной, отчасти по причине засоренности. В книжках «Библиотеки «Огонек» когда-то издавались очень хорошие рассказы, причем не обязательно было печататься в самом «Огоньке» — если рассказ хороший, его сразу замечали. Ведал этим изданием Павел Кравченко, обладавший предельным вкусом, чуткостью к рассказу. Многим ему были обязаны и Сергей Антонов, и покойный Сергей Никитин — прекрасный рассказчик, и Борис Бедный, и Юрий Казаков, и Юрий Нагибин, и я... Он знал всех, и его все знали. К чему можно было зайти просто покурить. Сейчас почти исчезли такие редакции, куда можно просто зайти покурить, а к Паше можно было. И часто в разговорах у него в комнате и рождались замыслы рассказов. То есть какой-то неопределенный замысел у тебя бродит, что-то там начнешь говорить, а Паша и скажет: а что же ты об этом рассказ не напишешь, ведь острая нужда сейчас именно в таком рассказе, это же твоя тема, — и глядишь, сядешь и пишешь...

«Когда-то была» — можно сказать и о серии «Короткие повести и рассказы» в издательстве «Советская Россия», но самое обидное, что прекратилось в «Советском писателе» издание ежегодника лучших рассказов.

Надо возродить сборник «Лучшие рассказы года». Издательство «Современник» сделало такую попытку, но уж больно местничеством отдает ежегодник «Современника», больно уж вкусовщина составителя на нем сказывается. Надо бы тщательно подобрать составителя и редколлегий сборника, да не случайную, а из крупнейших современных новеллистов. Причем несколько положение в рассказом запущенное, то первые такие сборники должны охватывать не один год, а несколько последних лет, с самым строгим отбором всего лучшего, что появилось за это время в периодике ли...

Словом, любой журнал, любой сборник должен строго и ответственно относиться к движению отечественной новеллистики, не принижая, а возвышая ее традиции нашего русского рассказа, которые служили бы для молодых, да и не только молодых, писателей творческим ориентиром.

ВОЛОДА

сиональный подход к литературе и непрофессиональная оценка самого себя. Как грустно говорил Твардовский, что не горе, что не хуже, но не лучше — вот беда...

Я в таком случае всегда привожу пример Василия Быкова, который, кстати говоря, писал рассказы очень недолго и перешел на короткие повести, как раз позволяющие говорить о размытии границ. Это или большой рассказ, или маленькая повесть — но всегда совершенно законченная история. Это такое понятие — «лобовой писатель», так вот, нет более «лобового» писателя сейчас в литературе, чем Василий Быков. Но, кроме него, полным-полно пишущих прямолинейно: черное — белое, никаких полутонов, обязательно один — герой, другой — трус, женщина между ними заплутавшая...

Быкова читают все, находят второй и третий план в его вещах, а вот его подражателей не больно жалуют. Дело в том, что только Быкову и удалась такая манера письма, и тот, кто пытается писать «под Быкова», впадает в упрощение, оказывается голым. Еще и еще раз вспоминать приходится слова Гёте: кто первым сравнил женщину с розой, был гениальным художником, но тот, кто сделал это вторично, был жалким эпигоном. Особенно опасно писать «под Быкова», потому что все кажется очень просто. Еще можно как-то маскироваться «под Семенова», «под Нагибина», подстроиться под их тональность, позаимствовать хотя бы отзвук их богатой цветовой и звуковой прозы. Можно, да не нужно, себя надо искать в любом деле, а в литературе в особенности.

И, кстати говоря, настоящий профессионал — а нынешние молодые часто воображают себя сразу профессионалами — должен уметь определиться: ему ли писать эту вещь, этот этюд, его ли это тема. Я не раз отказывался от каких-то вещей, говорил себе: это писать другому, мне не по силам. Конечно, понял не сразу, но теперь точно знаю, что мое, а что нет — не моя вещь, не мой сюжет, не мое, наконец, звучание и не мое отношение к материалу. Проза необычайно коварна и жестока, она выдает и намерения автора, и апломб его.

Не написал в свое время о рассказе Юрия Сбитнева «Два голубя», так в качестве примера приведу его сейчас. Думаю, это удача года для нашей новеллистики. Что в нем интересного? Тут есть все: классические каноны, русского рассказа — простая, с виду, завязка, напряженное действие, и необыкновенно мажорная, светлая развязка. Сюжет его прост: сын с невесткой уехали на колхозный покос, а дед берет внука и на моторной лодке едет дальше, на

Рассказ написан не просто изящно, он написан как-то свободно, в нем много красок, много четко выписанных характеров, хотя по размеру он и невелик — где-то около листа. Вот это и есть признак богатства русского рассказа, когда читателя обуревают множество мыслей и чувств на такой, казалось бы, маленькой площадке. И, кстати говоря, кажется, что новизны там особой нет, но это впечатление обманчивое. На самом деле рассказ новый и для Ю. Сбитнева, и от установившихся традиций такого типа произведений он тоже несколько отличается.

Вот еще в чем беда: и у рассказчиков, и у романистов сейчас зачастую неглубоки, поверхностны тексты в прозе. В силу своего воспитания, атеистического там и всякого прочего, авторы не знают богословия, библии, древней мифологии, молитв, наговоров и просто фольклора. Не надо быть верующим, но знать много надо. Вся древняя философия, вся мудрость веков спрессована в богословских книгах и учениях. Наши классики были и революционерами, и богословами, но они свободно обращались с этим наследием прошлого, и, когда брались писать, их текст отличался богатством и глубиной. Иные полторы страницы, ну, хотя бы Вячеслава Шишкова, богаче какой-нибудь нашей ультрасовременной десятистраничной повести.

Молодые авторы часто обижаются, что их не печатают, что трудно пробиться. Должен их разочаровать: молодым авторам всегда было трудно пробиваться, и обращали внимание на них меньше, и платили им меньше, чем маститым. Но все-таки сегодня помогают молодым, как никогда ранее. И тем не менее и сейчас появляется очень мало вещей, которые можно было бы взять, принести в журнал и сказать: если вы не напечатаете это, я уйду из редколлегии. Если же появляются самостоятельные, талантливые произведения, они печатаются без всяких затруднений. Вот недавний пример — «Сашка» В. Кондратьева. С. Баруздин взял и безоговорочно напечатал повесть в «Дружбе народов». Точно так же мы печатали В. Карпова в «Нашем современнике». Я не читал его рукописи предварительно, приехал в редакцию, мне сказали: вот автор из Челябинска, дал четыре рассказа, прочитай, вроде хорошо, уже в набор рассказы зашли... Хорошая рукопись — событие, праздник в редакции. Но порой с автором так носятся, так его с радости залакают, что он тут же зазнается и начинает писать хуже.

Так что не в трудностях с публикацией дело, а в желании протолкнуть в печать вторичные, серые, недоведенные вещи. Вторичность заедает. Мне как-то довелось разговаривать с большим нашим писателем, и он